

МОГЛА ЛИ СОСТОЯТЬСЯ БССР В 1917 ГОДУ?

Вопрос, вынесенный в заголовок, на первый взгляд может показаться странным. В отечественной историографии споры разворачиваются совсем по другой проблеме, хотя и смежной: почему так долго тянули с провозглашением БССР в конце 1918 года. Более того, общим местом, даже неким компромиссом стало утверждение о том, что идея советской государственности Беларуси возникла только под влиянием деятельности БНР, как некий противовес ей. События, связанные с созывом и последующим разгоном Всебелорусского съезда в декабре 1917 года, рассматриваются как первый акт создания БНР. Однако сопоставление данных исторических источников, новые, а точнее, хорошо забытые старые архивные материалы позволяют пересмотреть эту удобную, но от этого не менее спорную концепцию.

Речь идет о рукописных воспоминаниях Е.С. Канчера, в 1917 году председателя Белорусского областного комитета (БОК) при Всероссийском съезде крестьянских депутатов и одного из инициаторов созыва Всебелорусского съезда. Исследователи практически игнорируют архивные материалы, связанные с этим деятелем. В сталинский период Е.С. Канчер был репрессирован, а в советское время цитировать опального автора было небезопасно. К тому же его воспоминания шли вразрез с официальной версией об антисоветском и буржуазном характере Всебелорусского съезда. Не пришлось ко

двору свидетельства Е.С. Канчера и в современной историографии, в которой главная роль в событиях 1917 года отводится не БОК, а Белорусской социалистической громаде и Великой белорусской раде. В то же время игнорирование воспоминаний одного из видных деятелей белорусской политики революционного периода совершенно неоправданно. Кроме того, опубликованные работы Е.С. Канчера активно исполь-

зуются историками при изучении политической ситуации в Беларуси в 1917–1918 годах [1; 2]. Почему же тогда полностью обойдены вниманием архивные материалы, связанные с ним, которые, к тому же, подтверждаются другими данными, пусть зачастую и косвенными? Да, Е.С. Канчер в своих рукописных мемуарах ошибается в отдельных деталях, путает некоторые даты, поскольку писал уже много лет спустя. Но не обращать внимания на такой ценнейший исторический источник было бы непростительно. Только недавно гомельский историк Г.Г. Лазько очень осторожно попытался использовать данные из личного фонда Е.С. Канчера, который находится в Национальном архиве Республики Беларусь, и с неизбежностью пришел к выводу о вероятности провозглашения Белорусской советской республики в декабре 1917 года [3].

После переворота 25 октября 1917 года власть на территории Беларуси, не оккупированной немецкими войсками, принадлежала Исполнительному комитету Западной области и фронта (Облискомзапу). Это был орган советской власти, созданный 26 ноября 1917 года и формировавшийся на основе коалиции большевиков и левых эсеров. В Облискомзап входили также представители некоторых других левых партий. В его составе было только три белоруса: левые эсеры П.И. Козлов, Н.М. Дайнеко и В.Л. Муха. Специфика ситуации в Беларуси в конце 1917 года заключалась в том, что значительная часть ее политических деятелей находилась в Петрограде. Во-первых, в Центральной России были размещены десятки тысяч беженцев-белорусов. Во-вторых, многочисленные всероссийские съезды Советов, конференции, другие форумы требовали присутствия в столице делегатов от края. Это, однако, не означало, что они самоустранились от активного участия в жизни Беларуси. Именно из

Первомайская
демонстрация
на площади
у Виленского
вокзала в Минске,
1917 год

числа этих делегатов был сформирован Белорусский областной комитет при Всероссийском съезде крестьянских депутатов. Распространено мнение, что БОК был организацией «левоэсеровской» [4, с. 25]. Действительно, левые эсеры играли значительную роль в комитете, тем не менее во главе организации стоял народный социалист Е.С. Канчер, хотя сам он позже утверждал, что являлся в 1917 году большевиком [5, д. 8, л. 97–98]. К народным социалистам принадлежали и некоторые другие члены руководства БОК, например, А.Я. Кюссе-Тюз [6, д. 411, л. 24]. По данным самого Е.С. Канчера, в БОК входили 18 большевиков, 23 левых эсера, 5 анархистов-коммунистов и 53 «беспартийных большевика». По его же словам, партийность в тот революционный период была крайне условной: «В понятие большевиков включались все левые партийные и беспартийные» [5, д. 27, л. 16]. Поэтому БОК можно охарактеризовать, скорее, как организацию левосоциалистическую. Комитет стоял на советской платформе и мог составить реальную конкуренцию Облискомзапу в борьбе за власть в Беларуси. Представители БОК рассматривали Облискомзап как временную гражданскую и военную власть в крае, чьи полномочия прекращались с момента образования новой власти, избранной на Всебелорусском съезде. Задачи БОК были определены как «... образование аполитичной организации, которая берет на себя инициативу пробуждения в крестьянских, рабочих, солдатских и интеллигентских кругах белорусов национально-гражданского долга, созыв 1-го Всебелорусского съезда, создание краевой власти и общественно-политического уклада, отвечающего интересам белорусских трудовых масс» [2, с. 139]. Комитет сумел заручиться поддержкой лидеров большевиков. Своеобразным посредником при этом выступал М.В. Фрунзе, который являлся председателем исполкома Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, руководил делегацией от Беларуси на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов.

ПРИКАЗЪ № 1.

Къ населенію гор. Мінска и окрестностей.

Власть въ Петроградѣ перешла въ руки Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Весь Петроградскій гарнизонъ, Балтійскій флотъ и другія воинскія части признали новую власть. Поступаютъ отовсюду донесенія, что армія и воинскія части во всѣхъ фронтахъ признають новую власть сохранивъ полное спокойствіе.

Въ Минскѣ власть перешла въ руки Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ который обратился ко всѣмъ революціоннымъ организациямъ и политическимъ партіямъ съ предложеніемъ немедленно приступитъ къ организаціи въ мѣстной революціонной власти на мѣстахъ.

Объявляя о происшедшемъ, Минскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ гражданъ, что имъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ охранѣ революціоннаго порядка и установленію полезной дисциплины повсюду. Установлена революціонная цензура надъ всѣми выходящими въ Минскѣ и получаемыми здѣсь газетами для предупрежденія распространенія волнующихъ населеніе слуховъ.

Исполнительный Комитетъ Минскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Вопрос о самоопределении Беларуси обсуждался в ходе встреч Е.С. Канчера и белорусских делегатов с В.И. Лениным в мае, июле 1917 года. Тогда руководитель РСДРП(б) поддержал идею автономии Беларуси, заявив: «Беларусь может получить свое самоопределение только от той власти, которая будет находиться в руках большевиков» [5, д. 33, л. 31–33]. В ходе Октябрьской революции это станет главным условием самоопределения народов бывшей Российской империи: признание власти Советов и руководство национальным движением местными большевиками или идейно близкими им социалистами. Большевики готовы были пойти достаточно далеко в деле самоопределения народов. Для них страшна была единая и неделимая Россия, а вот ее развала они не боялись. Но лидеры большевиков не вполне ориентировались в национальных особенностях регионов, поэтому 29 октября 1917 года при Наркомате по делам национальностей была образована Этнографическая комиссия, куда вошли как ученые, так и советские деятели. В ее задачи входило определение границ национальных районов. По итогам была составлена карта, на которой «Белорусский край был

Приказ № 1
Исполнительного
комитета Минского
совета рабочих
и солдатских депутатов.
25 октября (7 ноября)
1917 года

Агитационные
плакаты,
1917 год

очерчен как советская республика». Тогда народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин заявил: «Если белорусы пожелают не республику, а лишь автономию, мы пойдем на это. Важно, чтобы во главе автономии были коммунисты и наши люди. Все равно большевики организуют Союз республик, и в нем Белоруссия займет место самостоятельного советского государства» [5, д. 26, л. 28]. Эти заявления полностью укладывались в идеологическую доктрину большевизма. В документах II Всероссийского съезда Советов подчеркивалось, что советская власть «...обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [7, с.11, 14]. Декларация прав народов России, принятая 2 ноября 1917 года, в своем втором пункте провозглашала: «Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Уже в тот период возникла идея создания Белорусской советской республики, которую должен был провозгласить съезд, представлявший широкие слои белорусских трудящихся и национальных организаций. Окончательное обсуждение будущего Беларуси произошло на заседании БОК 11 ноября 1917 года. Предполагалось создать автономную Беларусь как советскую республику. Во главе нового государства должны были стоять Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Беларуси. Планировалось формирование белорусской армии в виде красных полков, введение всеобщей воинской повинности. Были определены и границы Беларуси, включавшие Минскую, Могилевскую, Витебскую, Гродненскую, Виленскую, Смоленскую губернии, а также отдельные уезды Черниговской, Ковенской, Сувалкской и Холмской губерний. Новое государство должно было гарантировать равноправие народов и языков, национальных меньшинств. Именно эти положения, а также вопросы земельный, хозяйственно-экономические, культурно-просветительские, отношения к правам

политическим партиям планировалось внести в повестку дня Всебелорусского съезда.

5 декабря 1917 года состоялась встреча народного комиссара по делам национальностей И.В. Сталина с группой белорусских делегатов (примерно 70 человек), представлявших Всероссийский крестьянский Совет. В ходе встречи был затронут вопрос о необходимости провести в ближайшее время «краевой съезд крестьянских депутатов в целях укрепления Советской власти в Белоруссии» [8, д. 2533, л. 6]. Сталин от имени Совнаркома одобрил эту идею и согласился всесторонне ее поддерживать, сформулировав при этом основные принципы возможного сотрудничества, сводившиеся к необходимости созвать краевой съезд Советов и сформировать в Беларуси советские органы власти на основе компромисса между Советом рабочих и солдатских депутатов в Минске и БОК. Именно на таких условиях и стал возможен созыв Всебелорусского съезда в декабре 1917 года. Более того, из казны была выделена денежная субсидия для организации съезда в размере 50 тыс. рублей [5, д. 26, л. 28]. Практически одновременно с инициативой созыва съезда выступили Великая белорусская рада (ВБР) и Центральная белорусская войсковая рада (ЦБВР), действовавшие в Минске. Однако эти две организации вряд ли имели реальные возможности провести столь масштабное мероприятие. Белорусская социалистическая громада (БСГ), руководившая их работой, и другие белорусские партии находились на периферии политической жизни. Они не были представлены на территории Беларуси ни в Советах, ни в органах земско-городского самоуправления [5, д. 33, л. 16]. Структуры партии в крае были малочисленны. Минская организация БСГ насчитывала к сентябрю 1917 года менее ста членов, то есть ниже уровня, необходимого для делегирования своего представителя в состав городского Совета [9, с. 102]. Реальный политический вес БСГ продемонстрировали выборы в Учредительное собрание. Список партии

в трех белорусских округах и по Западному фронту получил в среднем 0,3 % голосов. Громаде не удалось провести своих делегатов в Учредительное собрание, несмотря на то, что ее кандидаты выставлялись не только на территории Беларуси, но и в тех местах, где имелось значительное скопление белорусских беженцев. В абсолютных цифрах число поданных за БСГ голосов равнялось примерно 12 тыс. [10, с. 4]. За все «белорусские списки», включая правые консервативные группировки, в целом было подано 29–30 тыс. голосов [11, д. 8, л. 66–69; 12, д. 1, л. 52–54; 13, д. 411, л. 20; 14, с. 416–425]. При этом численность самой Громады в этот период составляла 10 тыс. человек, а всех организаций, входивших в состав Великой белорусской рады, 25 тыс. человек. То есть, и БСГ, и прочие белорусские политические группы практически не имели поддержки среди населения, за них голосовали, в основном, только собственные члены. Столь низкий авторитет белорусских национальных политических групп в массах снижал возможность сотрудничества с ними, отводя БСГ и руководимой ею ВБР места политических аутсайдеров. Это становится очевидным и при анализе прессы того времени. О деятельности белорусских националистов печать сообщала как о чем-то любопытном, но мало-значительном.

В БОК не было однозначной позиции в отношении белорусского национально-демократического движения. Е.С. Канчер, Д.М. Соболевский, Е.А. Макаревич, А.Я. Кюссе-Тюз в принципе были не против сотрудничества с ВБР, ЦБВР и БСГ, но левые эсеры М.Л. Гольман, В.С. Селиванов враждебно относились к подобным контактам [2, с. 140]. 24 ноября 1917 года в Петрограде между БОК и представителями ВБР И.Я. Воронко и И.И. Мамонько было достигнуто соглашение, суть которого сводилась к разделению ответственности за созыв съезда между вышеперечисленными организациями, а также ЦБВР и Белорусской радой Западного фронта [15, д. 1, л. 1]. Фактически же БОК брал на себя обе-

спечение поддержки созыва съезда со стороны советской власти и финансовое субсидирование, а ВБР отвечала за представительство на съезде белорусских организаций. Однако прийти к окончательному компромиссу «областникам» и «радовцам» не удалось.

Неоднозначно складывались отношения БОК с Облискомзапом. Руководители БОК неприязненно относились к лидерам Северо-Западной областной организации РСДРП(б), считая их «узурпаторами», захватившими власть в крае и опиравшимися исключительно на солдат Западного фронта. Непосредственно перед созывом Всебелорусского съезда в БОК обсуждалась возможность отстранения Об-

искомзапа от властных рычагов. В частности, предлагалось сменить фронтовое руководство, назначив М.В. Фрунзе комиссаром Западного фронта с широкими полномочиями [5, д. 31, л. 2].

Облискомзап и Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), ясно понимая угрозу своей власти, определили четкую тактику, направленную на срыв Всебелорусского съезда. Однако поддержка съезда из Петрограда не позволила Облискомзапу пойти на его разгон сразу. Находившийся в столице В.Г. Кнорин пытался переменить точку зрения петроградских руководителей на ситуацию в Беларуси, выставить инициаторов созыва съезда противниками советской власти. Облискомзап, опираясь на поддержку Л.Д. Троцкого, запретил до 20 декабря 1917 года проведение любых собраний и съездов на территории области. Из-за

Братание русских и германских солдат на Западном фронте, декабрь 1917 года

подобной позиции возникла даже идея провести съезд в Рогачеве, подальше от Минска, где располагались областные структуры [2, с. 147].

Попытку примирить стороны предпринял И.В. Сталин, заинтересованный как народный комиссар по делам национальностей в урегулировании «белорусского вопроса». Не ранее 5 и не позднее 7 декабря 1917 года в Смольном прошла встреча И.В. Сталина с А.Ф. Мясниковым, В.Г. Кнориным и Е.С. Канчером. В ходе совещания представители Западной области отказались дать гарантию в охране съезда, но заверили, что не предпримут насильственных действий. Они также подтвердили свою позицию о недопустимости передачи

власти в Западной области от Облискомзапа какому-либо другому органу до окончания мирных переговоров в Бресте и созыва Учредительного собрания, сославшись при этом на мнение Л.Д. Троцкого [5, д. 27, л. 35–36]. Однако в результате давления со стороны Совнаркома и ЦК РСДРП(б) минские большевики вынуждены были пойти на уступки. 8–10 декабря 1917 года в Минске состоялись очередные переговоры представителей Облискомзапа и БОК. Результатом стало соглашение об участии 10 делегатов с правом решающего голоса от Облискомзапа в работе Всебелорусского съезда. Кроме того, руководство Западной области обязывалось обеспечить безопасность съезда с 15 по 25 декабря, выделить для его работы помещение, питание и транспорт. Представители Облискомзапа должны были выступить на съезде с рядом докладов о положении в крае. 10 декабря 1917 года это соглашение было одобрено председателем СНК В.И. Лениным, председателем ВЦИК Я.М. Свердловым и наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным [5, д. 27, л. 39–40].

Достигнутые договоренности вовсе не означали, что руководство Западной области готово было пойти на признание решений Всебелорусского съезда и преобразовать исполнительные структуры края, допустив в них белорусские революционно-демократические силы. Облискомзап избрал курс на срыв съезда путем провокаций с целью принудить делегатов к антисоветским заявлениям и действиям. А.Ф. Мясников, В.Г. Кнорин и их соратники, зная о неоднозначном отношении ВБР к советской власти и перевороту 25 октября 1917 года, выраженном в «Грамоте к белорусскому народу», предполагали, что на съезде, собранном при участии этой организации, проявится подобное отношение и будет провозглашена Белорусская народная республика. Учитывая резкое осложнение отношений Петрограда с Украинской центральной радой, это могло послужить в глазах все-российского СНК достаточным поводом для роспуска съезда. Подобное развитие событий позволило бы дискредитировать и план создания Белорусской советской республики, выдвигаемый БОК, то есть устранить угрозу монополии Облискомзапа на власть. Именно поэтому минские большевики, в принципе выступавшие против любой «белорусскости», не препятствовали, а, наоборот, создали все необходимые условия для работы съезда под эгидой Великой белорусской рады. Однако попытка сторонников ВБР и БСГ провести съезд в Минске своими силами полностью провалилась. Предполагалось, что волостные земства направят по 1 делегату, уездные земства – по 2, городские самоуправления – по 1, губернские и уездные союзы кооперации – по 1. Окружные органы профессиональных союзов (железнодорожные, почты и телеграфа и других) должны были выбрать своих представителей сообразно числу своих членов по расчету «приблизительно один представитель от 2000 белорусов». Белорусские политические, культурные и беженские организации посылали своих представителей согласно уставу, утвержденному на сессии ВБР. Балтийский и Черноморский

Исидор Любимов, в июле – августе 1917 года председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, и главнокомандующий Западным фронтом Михаил Фрунзе

флоты выбирали по 1 делегату-белорусу от бригады и дивизии. Такое же представительство устанавливалось и для Юго-Западного фронта. От Северного, Западного и Румынского фронтов направлялись члены ЦБВР. Корпусные и дивизионные корпусные рады направляли по 1 делегату [16, с. 1]. 5 декабря 1917 года вместо заявленных 900 делегатов в Минске собралось всего 300 человек [17, с. 1]. В результате это собрание было объявлено всего лишь совещанием, а не съездом. Но уже 7 декабря делегаты, опасаясь того, что представители БОК перехватят у них инициативу, решили признать свое собрание полномочным съездом, что, однако, не было признано другими белорусскими политическими организациями, а также органами советской власти. Тем не менее Облискомзап не предпринял никаких мер к разгону «съезда», продолжая свои провокационные действия. Любопытно, что даже в отношении исполкома ЦБВР, который самовольно распорядился занять здание губернского присутствия для нужд съезда и объявил губернскую типографию «национальной собственностью», не было предпринято никаких карательных санкций. Совнарком Западной области и фронта ограничился лишь грозным внушением, опубликованным в советской прессе.

Более того, 13 декабря 1917 года в газете «Советская правда», официальном печатном органе Облискомзапа, вышла статья «К белорусскому съезду». В ней сообщалось, что «съезд начнет свои заседания 15 декабря, когда в Минск съедутся все члены Учредительного собрания, избранные в белорусских губерниях». В статье содержалось весьма любопытное заявление: «В работах белорусского съезда приглашены принять участие все партии и представительства в Белоруссии без исключения. Объявление Белорусской республики ожидается к 15–16 декабря». Минские лидеры большевиков решили напрямую использовать своих представителей на съезде для создания конфликтных ситуаций. Главкомандующий Западным фронтом А.Ф. Мяс-

ников направил лидерам большевистско-левоэсеровской части съезда следующую телеграмму: «Сообщите товарищам, чтобы на съезде белорусов Рады они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность ее. Это требуется» [18, с. 4]. Уже в первый день работы делегатов, 5 декабря, в зале заседаний были замечены 10 человек, стремившихся дезорганизовать работу съезда [19, № 1, с. 68]. Выступавшие на пленарном заседании съезда 7 декабря 1917 года Резаусский и Берсон, представлявшие Облискомзап, произнесли подстрекательские, оскорбительные

Антивоенный митинг солдат Западного фронта, 1917 год

речи, едва не вызвавшие драку [19, № 2, с. 50]. 14 декабря витебский большевик выступил с заявлением о том, что «белорусский национальный вопрос – затея буржуазии» [19, № 3, с. 67]. Во время своего выступления 14 декабря О.Л. Дыло, представлявший фракцию социалистического блока, заявил, что существуют «темные силы», которые стараются использовать возникшие на съезде противоречия для его срыва [19, № 3, с. 63]. Другие делегаты также неоднократно подчеркивали, что вокруг съезда плетутся интриги и в зале присутствуют провокаторы. 15 декабря 1917 года Всебелорусский съезд начал свою полноценную работу. Большинство исследователей приводят сведения о 1872 делегатах, из которых 1167 имели право решающего голоса. Именно такие данные впервые были

приведены газетой «Белорусская рада», официальным органом Исполнительного комитета ЦБВР, 13 января 1918 года. Однако в источниках встречаются и другие цифры, а также данные, которые позволяют поставить под сомнение степень участия различных делегатов в работе съезда. Так, в январе 1918 года делегаты Витебского губернского съезда рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов приняли специальное заявление,

Евсей
Степанович
Канчер

в котором отметили, что из 196 волостей Витебской губернии на съезде в Минске присутствовали делегаты только от 51 волости. При этом большинство витебских делегатов «по выяснению явно контрреволюционной физиономии белорусского съезда ушло с него» [20, д. 755, л. 15].

Съезд проходил в обстановке острой борьбы между представителями БОК, отстаивавшими идею государственности Беларуси на советской основе, и ВБР, отстаивавшими идею создания народной республики. За нее особенно ратовало армейское крыло Великой белорусской рады – Центральная белорусская войсковая рада.

Итоговая резолюция Всебелорусского съезда по сути своей означала победу Белорусского областного комитета и в целом просоветской части делегатов. На территории Беларуси провозглашался республиканский строй «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской демократической Республики» [19, № 4, с. 57].

Участники съезда признавали всероссийскую советскую власть и постановили делегировать белорусских представителей в центральные советские органы. Однако съезд игнорировал существовавший в Минске Облискомзап как высший орган советской власти на территории Беларуси: «1-й Всебелорусский съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава власть в лице Всебелорусского Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с центральной властью, ответственной перед Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [19, № 4, с. 57]. Кроме того, предполагалось в ближайшее время созвать второй Всебелорусский съезд и Белорусское учредительное собрание для решения наиболее важных вопросов края. Это был первый шаг к созданию Белорусской советской республики и одновременно приговор съезду. Не постановка на повестку дня национального вопроса, не споры вокруг символики, а именно наиболее конкретный вопрос о власти. Облискомзап не мог терпеть конкурентов и отреагировал мгновенно. Еще в ходе чтения резолюции в зал вошел комиссар по военным делам Облискомзапа М.И. Кривошеин и объявил о роспуске съезда. Голосование по резолюции проходило уже в момент разгона, и было единогласным. М.И. Кривошеин и его вооруженная охрана задержали 27 участников съезда [21, с. 4].

Руководство Западной области и фронта заранее готовило пропагандистское обоснование разгона съезда. В телеграмме Совнаркому, Наркомнацу, ВЦИК, в редакцию газеты «Правда» по поводу разгона Всебелорусского съезда председатель Совнаркома Западной области и фронта К.И. Ландер, хотя и констатировал очевидный факт признания съездом всероссийской советской власти, в принципе излагал искаженную информацию. Он утверждал, что съезд прошел «под влиянием шовинистических националистических элементов», а «под флагом белорусского национального движения» якобы нашли приют кадеты [20, д. 748, л. 26].

Деятели Облискомзапа предприняли ряд шагов, дабы избежать обвинений в насильственных действиях. В частности, организатор разгона съезда М.И. Кривошеин подал в Революционный трибунал иск на главного редактора газеты «Социалист-Революционер» П.В. Злобина за «клевету» в отношении обстоятельств разгона съезда. Суд оправдал П.В. Злобина, косвенно подтвердив незаконность разгона Всебелорусского съезда. Тем не менее эсеровская газета была закрыта [21, с. 3].

Большевики максимально использовали ситуацию с разгоном Всебелорусского съезда для ослабления своих политических противников и укрепления собственной власти в крае.

Следует отметить двойственную позицию, которую заняли по отношению к разгону съезда левые эсеры. Ф.М. Короткевич в значительной степени способствовал насильственным действиям, сообщив К.И. Ландеру, что «наши дела ненадежны: военная секция постановила объявить Белорусскую демократическую республику» [15, д. 6, л. 24–26]. В то же время ряд левых эсеров (Г.М. Островский, З. Юрьева и другие) оказались в числе арестованных делегатов съезда. Несогласованность позиций левых эсеров в отношении тактики на Всебелорусском съезде объясняется тем, что Западная областная организация ПЛСР находилась в стадии формирования. Учредительная конференция левых эсеров Западной области и фронта прошла только 30 декабря 1917 года [22, с. 4].

Руководство БОК, включая Е.С. Канчера, в ночь разгона съезда выехало в Петроград, где в Смольном прошла их встреча с И.В. Сталиным. Он выслушал отчет гостей и позвонил А.Ф. Мясникову (по другим данным, разговор состоялся с членом Облискомзапа И.Я. Алибеговым), говорил с ним «по-военному строго, но с раздражением». Народный комиссар дал указание выпустить всех левых делегатов съезда, а также прибыть в Смольный совместно с К.И. Ландером и М.И. Кривошеиным для личной встречи.

Затем И.В. Сталин и Е.С. Канчер встретились с В.И. Лениным. Председатель Совнаркома, выслушав сообщение о событиях в Минске, заявил: «Товарищи, начатое дело с БССР продолжайте. Созывайте II съезд, может быть подальше от фронта, средства мы обеспечим. Перед созывом II съезда договоритесь с Облискомзапом. ...Ландеру и Мясникову мы сделаем необходимое внушение» [5, д. 31, л. 13]. Через несколько дней, 27 декабря, на квартире Канчера состоялась его беседа со Сталиным, в ходе ко-

торой были уточнены детали дальнейших действий. Собеседники пришли к выводу, что «...объявление Белорусской Советской Республики в составе РСФСР должно идти по партийной линии, а не по советской, на том основании, что местные в крае Советы, распропагандированные Облискомзапом, противятся белорусскому автономизму» [5, д. 31, л. 17].

Ситуация с созывом Всебелорусского съезда и попыткой создания Белорусской советской республики в декабре 1917 года полностью соотносится с национальной политикой большевиков и косвенно подтверждается событиями, которые происходили в то же самое время на Украине.

Там I Всеукраинский съезд Советов, проходивший в Харькове, 12 (25) декабря 1917 года провозгласил Украину республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд признал Украинскую советскую республику федеративной частью Российской республики. Были сформированы на коалиционной основе ЦИК и Народный секретариат. Кстати, вовсе неслучайно, что первое «правительство» БНР также будет называться Народным секретариатом. Очевидно, такой же сценарий должен был реализоваться и в Беларуси. Даже крайне враждебная позиция Облискомзапа, отрицавшего данный проект, и роспуск Всебелорусского съезда не убедили руководство Советской России отказаться от идеи создания автономной республики на белорусских землях. Именно такую точку зрения отстаивает Е.С. Канчер в своих

Представители
Украинской народной
республики на мирных
переговорах
с германским
командованием
в Бресте

воспоминаниях. Его мнение подтверждается и другими источниками.

23 декабря 1917 года в Минске прошла III Северо-Западная областная конференция РСДРП(б). Ее точная повестка дня не сохранилась. Вероятно, под давлением из Петрограда на ней не мог не обсуждаться вопрос о созыве второго Всебелорусского съезда [20, д. 413, л. 103]. По крайней мере, в тот же день в газете «Советская правда» была опубликована статья «Всебелорусский съезд». В ней критике подвергались буржуазные и националистические элементы, которые, по мнению автора, повели съезд по ложному пути, но сама идея съезда не отвергалась [23, с. 2].

Интересно, что Облискомзап, выпустив арестованных во время разгона делегатов, не применял никаких репрессивных мер по отношению к участникам съезда. Более того, находился в деловых отношениях с ВБР. Так, 4 января 1918 года на заседании Облискомзапа рассматривалось официальное обращение ВБР о создании «верховного белорусского органа» для созыва II Всебелорусского съезда. Решение было вынесено отрицательное [24, д. 60, л. 50б].

О том, что в лице ВБР и ЦБВР руководители Западной области и фронта не видели никакой угрозы и использовали их действия в своих целях, говорит тот факт, что эти организации вполне легально существовали в Минске еще более месяца после разгона съезда. Лишь 29 января 1918 года было принято решение о признании контрреволюционной организацией Центральной белорусской войсковой рады, ее роспуске, аресте и предании суду революционного трибунала ее членов [24, д. 60, л. 240б].

С точки зрения борьбы за власть действия Облискомзапа, окончившиеся разгоном Всебелорусского съезда, не только не были ошибочными, но являлись в тех условиях неизбежными. Безусловно, разгон съезда поставил под сомнение возможность сотрудничества различных партий на советской основе. Но это не было самоцелью для большевиков. Реализация решений съезда означала бы

утрату Облискомзапом и стоявшим за ним Северо-Западным областным комитетом РСДРП(б) монополии на власть. И это объективно вынуждало их предпринимать самые жесткие шаги по ликвидации этой угрозы, что они с успехом и осуществили.

Одним из последствий разгона Всебелорусского съезда стало ускорение большевизации левой части белорусского национально-демократического движения. Этот процесс начался еще летом 1917 года в Московской и Петроградской организациях БСГ, объединявших до трети всех членов партии. Вероятно, еще в октябре 1917 года начался процесс создания Белорусской социал-демократической рабочей партии (БСДРП), близкой по своей идеологии к большевикам. Однако некоторое время БСДРП и левое течение БСГ не были четко структурированы между собой в организационном плане. Так, лидер БСДРП А.Г. Червяков вплоть до декабря 1917 года являлся заместителем председателя Петроградской организации БСГ [25, д. 44, л. 1].

Именно тем, что в декабре 1917 года происходил процесс отмежевания левого крыла БСГ, объясняется вхождение ее членов на Всебелорусском съезде (5–17 декабря 1917 года) в две конкурирующие фракции: социалистического блока и левого течения съезда. В протоколах съезда ни разу не упоминается о существовании БСДРП. Отдельные делегаты лишь ставили вопрос о необходимости образования собственно белорусской партии большевиков, которая бы взяла на себя руководство краем, отеснив Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), являвшийся противником любых проектов белорусской государственности. Часть «левых громадцев» пыталась сохранить БСГ и не вошла в структуры БСДРП. В тот период они не были готовы принять результаты Октябрьского вооруженного восстания и считали действия большевиков расколом «социалистического фронта» [26, д. 10, л. 187].

Вскоре после разгона Всебелорусского съезда произошли события, повлиявшие на развитие политической ситуации в

ЛИТЕРАТУРА

1. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос: Сб. ст. / Изд. Бел. отд. Комиссариата по делам нац. С.К.С.О. – Пг., 1919.
2. Канчер, Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов / Е.С. Канчер // Нёман. – 1993. – № 1. – С. 136–167.
3. Лазыко, Р.Р. Першая спроба стварэння Беларускай Савецкай Рэспублікі / Р.Р. Лазыко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – Ч. 1. – № 4 (55) – С. 139–145.
4. Ладысеў, У.Ф., Брыгадзін, П.І. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін // – Мн., 1999.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 311. – Оп. 4.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2534. – Оп. 1.

России в целом. 5 января 1918 года в Петрограде после одного дня работы большевиками было разогнано Учредительное собрание, за созыв которого боролась вся демократическая общественность России на протяжении 1917 года. Разгон Учредительного собрания способствовал консолидации политических партий, выступавших в качестве оппозиции большевикам и левым эсерам. Однако возможность протеста с их стороны была ограничена. Еще до созыва Учредительного собрания 3 января 1918 года ВЦИК принял постановление «О признании контрреволюционными попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти», согласно которому «всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами вплоть до применения вооруженной силы» [27, с. 323–324]. Это решение повлияло и на затягивание вопроса с созывом II Всебелорусского съезда. В конечном итоге III Всероссийский съезд Советов (10–18 января 1918 года) косвенно поддержал действия Облискомзапа по разгону Всебелорусского съезда, признав Белорусскую раду «самозванной организацией», «не опирающейся на трудовые массы Белоруссии» [28, с. 87]. Это решение означало фактическое выведение значительной части белорусского национального движения за рамки советской системы.

В условиях обострения политической ситуации в России 26 января 1918 года Облискомзап вновь вернулся к вопросу о созыве Всебелорусского съезда. На этот раз с докладом выступал комиссар по делам национальностей. И вновь решение оказалось отрицательным [24, д. 60, л. 21]. Однако это не означало, что руководство РСДРП(б) и всероссийского Совнаркома отказалось от идеи белорусской советской государственности. Об этом говорит создание 31 января 1918 года Белорусского национального комиссариата (Белнацкома), сыгравшего важную роль в подготовке провозглашения БССР в 1919 году.

Из приведенных выше фактов становится очевидно, что главной целью, с которой

созывался в декабре 1917 года Всебелорусский съезд, было провозглашение Белорусской советской республики как части Российской советской федерации. На съезде должны были быть сформированы новые органы советской власти в Беларуси на основе компромисса между БОК как инициатором проведения съезда и Облискомзапом, который рассматривался как временный институт власти. Великая белорусская рада и близкие к ней организации играли при этом второстепенную роль, и коалиция с ними в будущем белорусском советском правительстве оставалась под вопросом. Главной причиной неудачи первого проекта создания Белорусского советского государства стала позиция Облискомзапа. Имеющиеся факты позволяют сделать вывод о том, что на определенном этапе группа Мясникова – Кнорина – Ландера использовала в своих интересах действия ВБР и БСГ для дискредитации перед Петроградом всего белорусского национального движения, демонстрации его антисоветского характера. Именно поэтому они позволили этим двум организациям провозгласить политическое совещание, начавшееся 5 декабря, съездом до приезда всех делегатов, что расходилось с достигнутыми ранее договоренностями. Облискомзап сознательно шел на провокации с целью срыва съезда и недопущения провозглашения Белорусской республики на советской основе. Основным мотивом при этом была не борьба с «белорусским национализмом», а нежелание делиться властью в крае с представителями просоветских белорусских национальных групп. Поэтому большевики Западной области и фронта фактически бойкотировали решение своего центрального руководства о создании Белорусской республики в конце 1917 г. Очевидно, этот опыт был учтен через год, когда ЦК РКП(б), Совнарком и Наркомнац сумели заставить и Мясникова, и Кнорина смириться с необходимостью образования белорусской советской государственности.

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук ■

7. Ленин, В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1965. – Т. 35. – 1962.
8. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 21.
9. Киржниц, А. Сто дней Советской власти в Белоруссии / А. Киржниц // Пролетарская революция. – 1928. – № 3. – С. 61–130.
10. Ленин, В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1965. – Т. 39. – 1963.
11. НАРБ. – Ф. 623. – Оп. 2.
12. НАРБ. – Ф. 863. – Оп. 1.
13. НИАБ. – Ф. 2534. – Оп. 1.
14. Спирин, Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. (1917–1920 гг.). / Л.М. Спирин. – М., 1968.
15. НАРБ. – Ф. 325. – Оп. 1.
16. Белорусская рада. – 1917. – 3 декабря.
17. Вольная Беларусь. – 1917. – 31 сьнежня.
18. Белорусская земля. – 1918. – 1 марта.
19. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / Прадм. і публ. В. Скалабана // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 62–69; № 2. – С. 46–55; № 3. – С. 61–69; № 4. – С. 50–62.
20. НАРБ. – Ф. 60. – Оп. 3.
21. Минская газета. – 1918. – 1 января.
22. Советская правда. – 1917. – 31 декабря.
23. Советская правда. – 1917. – 23 декабря.
24. НАРБ. Ф. 35-п. Оп. 1.
25. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 15. – Оп. 1.
26. НАРБ. – Ф. 15-п. – Оп. 28.
27. Декреты Советской власти: в 13 т. Сборник / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР Акад. наук СССР. – М., 1957–1989. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 1957.
28. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – Пг., 1918.